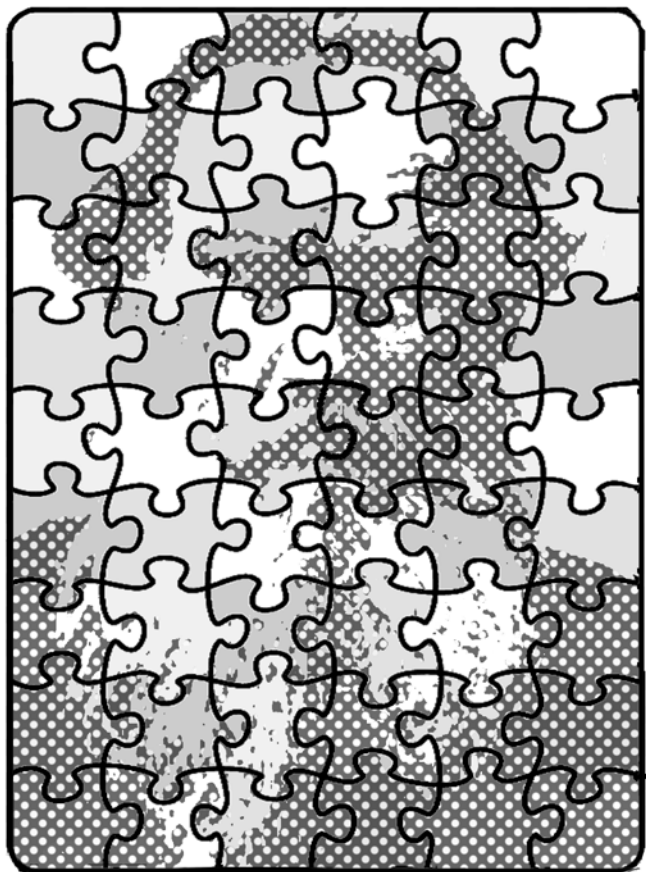

ПОДДЕЛКА

«Будь самим собой; все остальные роли уже заняты».

Оскар Уайльд

«Одно из самых обычных заблуждений состоит в том, чтобы считать людей добрыми, злыми, глупыми, умными. Человек течет, и в нем есть все возможности: был глуп, стал умен, был зол, стал добр, и наоборот. В этом величие человека. И от этого нельзя судить человека. Какого? Ты осудил, а он уже другом».

Лев Толстой

Пролог

Бодрийяр считал, что интерпретация симулякра является собой самостоятельную реальность, при которой оригинальное утрачивает свое значение. Перечитав это предложение уже в пятый раз, Максуд загрустил совсем.

Статья про мимезис совсем не давалась, Умберто Эко спорил с Борхесом, про Сократа с Платоном и говорить нечего, и вот еще этот француз все время вмешивался. Где реальность, а где подделка, он уже не знал.

Он встал, походил, снова сел. Лучше не стало.

А, к черту! И он пошел к бару. Взял стакан, налил виски. Пропади оно все пропадом. Завтра придется опять иметь тяжелый разговор с редактором о сроках. Но как можно соблюдать их при таком отношении великих к нему — маленькому, мало соображающему человечку. Они дают авторитетом, не дают вырастить собственную мысль.

После второй порции немного отпустило. Он пошел и лег спать.

Токсикология

На следующий день редактор пропустил мимо ушей его блеяние по поводу неготовой статьи и обещания завтра сдать. Он сказал, что Максуда искал некий человек, с которым он, редактор, настоятельно просит его встретиться. Звали человека Иван Иванович, и в три часа он ждет его в кафе — в том самом на той самой улице.

Максуд знал эту улицу и это кафе. Это место, где или сбывались или не сбывались все мечты. Так называемое Управление единого заказчика располагалось в тех краях. Это, конечно, был сленг для посвященных, и Максуд был им. Хотя и не особо хотел.

Он, конечно же, ответил редактору «да», с облегчением проскочив мучительный разговор о статье.

Светило солнце, мир был прекрасен. Он любил Максуда, и Максуд любил его. Жизнь жилась, и ощущение этого адреналинило тело.

Подряд

Иван Иванович опоздал на полчаса, был мил и даже извинился, показав глазами на потолок: ну, вы понимаете, задержался наверху.

Максуд был понятливый, хотя ненавидел ждать. Это как-то с детства он не любил, а потом уже стал ненавидеть. Ну да ладно.

Итак, Иван Иванович сказал, что Максуда рекомендовали, и он готов дать ему подряд на интерпретацию одного из трудов Толстого Льва Николаевича для современной аудитории. Он сказал, что классикам нужна адаптация — адаптация их произведений и дневников, касающихся идеологических нюансов бытия: время меняется и все такое.

Максуд спросил: почему он? Иван Иванович ответил, что так решил не он, а люди выше него. И эти люди считают, что Максуд справится.

Максуд пожал плечами. Человек напротив улыбнулся:

— Перейдем к дискуссии?

Обсуждение

— О чем, собственно, речь?

— Православие и патриотизм.

— Не слабо.

— Справитесь.

— А что, собственно, не нравится? И как будет подана интерпретация?

— Все просто. По задумке стратегов, появится альтернативная версия произведения. С измененными акцентами. Их немного. Толстой противопоставляет бога и государство, а нам кажется, что в современном прочтении это практически одно и то же.

— Во как!

— Вам что-то не нравится?

— Нет, мне, конечно, все нравится. Как может мне не нравиться, если вам нравится.

— Но вы не согласны?

— Ну как вам сказать.

— Отлично, это то, что нужно. Будете себя ломать. Получится достовернее. А то эти все наши — они как промокашки: ни украсть, ни покараулить.

— Наверное.

— Сколько нужно времени?

— Мне надо оценить масштаб. Я работу эту Толстого совсем не помню. Дайте неделю. Я предложу что-то по времени.

— Неделя? Годится. В это же время через неделю, — Иван Иванович посмотрел на часы, кивнул, улыбнулся и испарился. Ну, в смысле Максуд был так раздавлен всем этим, что не заметил его ухода.

Учитель

Максуд написал учителю и напросился в гости.

— Приезжай, — сказал тот. — Можешь прямо сейчас.

Учителем он звал Воскобойникова Сергея Харламовича. Он не был его учителем в формальном смысле слова. Просто старый и старший товарищ, профессор в универе. Какой-то курс слушал у него Максуд, потом стали общаться, а после и дружить. Их взгляды были похожими, и общение давалось легко, хотя и не просто.

Жил Сергей Харламович, как многие теперь, на даче. Лекции читал два раза в неделю, поэтому мог себе позволить.

До Апрелевки Максуд добрался быстро. Час пик не наступил еще. Хозяин был рад. Как раз собирался обедать. Он жил один. Готовить любил, и получалось у него хорошо. После обеда сели на веранде. Было тепло, но комаров меньше, чем на открытом воздухе.

— Ну чего? — спросил наконец Сергей Харламович.
— Я думал, не спросите, — засмеялся в ответ Максуд. — Тут такое дело. Некие люди хотят изменить взгляды Толстого. Или поспорить с ними как минимум. Опрокинуть.

Сергей Харламович в ответ засопел, а потом вдруг сказал:

— Давно этого ждал. Странно, что так долго к этому шли. Это же естественный этап на выбранном пути.

— Даже так! — откликнулся Максуд.

— А как же иначе. Только так. Живых властителей дум нет. Нужно поднимать из гробов и жечь ожившим глаголом. От лица, так сказать.

— А что — так можно?

— А почему нет? Кто запретит? Народу все равно, он тонкого не видит, интеллигенция сама себе все объяснит. Вот как мы с тобой. Нас и уговаривать не надо, мы сами все понимаем.

— Поможете?

— Сам справишься.

— Нет, нужно же на ком-то отмодерировать, — Максуд смутился.

— А! Нужна собака Павлова? Ну, ок. Послушаю твои интерпретации, возьму грех на душу.

— Спасибо вам огромное.

— Может, ты выпить хочешь?

— Не откажусь.

Учитель сходил за бутылкой и стаканами. Молча выпили. Потом еще.

— Ты сильно в ткань не лезь, запутаешься, — сказал Сергей Харламович. — Меняй самый минимум и максимально подстраивайся. Или если ломаешь, ломай до конца, тогда поверят. Хотя кто? Никто ничего не скажет.

Выпили еще, долго говорили, разругались, потом опять выпили, и Максуда оставили ночевать.

Рукопись

Максуд сидел через неделю, как договорились, в том же кафе. В этот раз Иван Иванович опоздал на час и опять извинялся и намекал.

— Ну как наши дела? — спросил он.

— Я хочу сто тысяч и постоянный контракт на следующие три года.

Иван Иванович кивнул.

— Договорились. Когда будет что посмотреть?

— Через месяц.

— Ок, — ответил заказчик. И сказал, что они тогда запускают утечки о нахождении новой рукописи в запасниках периферийного музея во время реставрационных и ремонтных работ.

— Ну это как вам угодно, — сказал Максуд. — Надеюсь, меня вы не планируете использовать в паблице?

— Конечно, нет. На это есть другие люди, — засмеялся Иван Иванович. — Вы их только отбрифуете, если понадобится.

Глаза у него были грустные и не монтировались с внешней бодростью. Тяжело ему, подумал Максуд и ощутил острое желание выпить.

Толстой

В заметке одной из больших газет сообщалось о нахождении рукописи великого писателя Льва Толстого. Черновика или, наоборот, настоящего чистовика одной из его работ, посвященных общественному устройству. В последующих публикациях и информационных программах сообщалось, что подлинность и место работы среди трудов писателя установит комиссия Минкульта, также Союз писателей собирается провести масштабную конференцию с участием как литературоведов, так и действующих писателей по случаю такой находки: рассмотреть

еще раз наследие властителя дум для использования в современных реалиях и для воспитания молодежи. Думают привлечь Министерство просвещения. Вот так, подумал Максуд, и сказка станет былью.

Сергей Харламович

— Да, — сказал Иван Иванович, когда они стояли на солнышке у стеночки большого здания. — Да, Серёжа, тебе придется тоже выступить и поддержать. Ты же новый текст знаешь лучше всех.

И он засмеялся.

Сергей Харламович нахмурился:

— Как скажешь. Мне бы, конечно, не хотелось. Ты просил только направлять и ободрять.

— Ну а теперь прошу пройти с нами до конца. Чего тебе стоит? Несколько лет жизни, я полагаю, и всего-то, — опять засмеялся Иван Иванович. — Мы тебя полечим сбережением. Не кисни, я побежал.

И он исчез. Сергей Харламович пошел вниз по улице, руки у него дрожали. Докатился.

Иван Иванович

Последние недели непрерывно встречался с участниками форума. Тестировал. Расставлял по секциям. Принято было решение сделать форум большим и всеобъемлющим. Девизом выбрали слова из вновь обретенного Толстого: «Патриотизм для всех одинаков, национализм опасен». Чем дальше развивалась тема, тем труднее было держать упырей. Но он справлялся. Зарубежные гости, как правило, крайне правые, готовы были отстаивать национализм, и это уравнивало внутренних патриотов. Баланс, думал Иван Иванович, это хорошо.

Форум

— Почему такие разные взгляды на одно и то же у Толстого? — спросил один из участников пресс-конференции,

Сергей Харламович в ответ заметил, что Толстой постоянно был в поиске и его шатало изрядно. Это знают все, кто хоть как-то соприкасался с его творчеством. Ему были близки духовные переживания, и они часто приводили его к выводам, которые не нравились современникам.

— А нам, потомкам, нравятся, — подхватил министр культуры. — Вот и теперь в найденных черновиках или самой настоящей его работе слышатся ноты уверенного принятия патриотизма, государственного, как неотъемлемой части настоящего гражданина и человека. Такой Толстой нам всем очень необходим.

Да уж, думал Максуд, слушая их. Ну ладно я, но Сергей-то как тут оказался? Он не все знал про учителя, тот ему не все рассказывал. Гордиться было нечем. Но теперь, как говорится, все в открытую.

На даче

После они сидели на даче и пили. И плакали, и признавались, а потом снова пили. Сергей Харламович теперь просил Максуда называть его просто по имени и на «ты» и рассказывал эпизоды, про которые Максуд не знал. Они касались взаимоотношений с властью — их сложности в своей запутанности.

— У тебя был предшественник, — сказал вдруг Сергей Харламович. — Нет, не те тысячи, которых много было в глубине веков и в широте географии. У нас и не так давно этот человек восстановил второй том «Мертвых душ». Для одного коллекционе-

ра. Но разочаровал кого-то, наверное, и однажды оказался мертвым.

Максуд слушал и сочувствовал в конце концов, а истории про Гоголя не поверил. Он слышал что-то подобное, но вместо кровавых финалов там были веселые байки, как потом все были счастливы. Так он и сказал Сергею. Тот посмотрел на него с грустью: ну и хорошо, коли так. В конце концов они как-то свыклись, хотя на это потребовалось три дня. Потом Максуда разыскал редактор, которого дергал Иван Иванович.

— Что — опять? Так быстро? — изумился Максуд.

— Аппетит приходит во время еды, — сказал Сергей Харламович, когда они окончательно протрезвели.

Они смотрели друг на друга и не видели конца. И это было хорошо. Имитатор не может видеть конца, это непрофессионально, сказал кто-то когда-то и по другому поводу, но сейчас эта сентенция вдруг вспомнилась Максуду. А Сергею и понимать ничего не надо было, он в этом жил.

Кафе

Иван Иванович почти не опоздал. Благодарил сам и передавал благодарности. Сказал, что опыт признан успешным и проект, названный «Мимезис» (надо же, какие аллюзии), утвержден в развитие темы. Дальше он поведал, что недавно получен архив Набокова, и, засмеявшись, сказал, что пора возвращать писателя в родной контекст, что ждет предложений — и чтобы Максуд не затягивал. Максуд, поколебавшись, спросил, нет ли нужды в Гоголе. Мол, он знает отличного мастера по части художественных текстов, гораздо лучшего, чем он.

— Я тоже знал такого, — ответил Иван Иванович, глядя на Максуда пристально. — Но он недавно умер.

На том и расстались. Максуд пошел домой. Его ждал Набоков.

